

Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24(63) №1. Часть 1 2011 г. С. 41 – 45

УДК 371.3.82.0

**К ПРОБЛЕМЕ АНАЛИЗА ЛИРИКИ
НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ
(на материале стихотворения А. С. Пушкина
«Брожу ли я вдоль улиц шумных...»)**

И. М. Колтухова

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь*

Статья посвящена анализу лирического стихотворения на уроке литературы в старших классах.

Ключевые слова: методика преподавания, лирическое стихотворение, анализ лирики.

В наши дни вернуть школьников к книге, научить их вниманию и любви к поэтическому слову можно только одним путем — кропотливо обучать их сложному **искусству анализа поэтического текста**. И сделать это можно будет, только преодолев значительный разрыв между литературоведением и школьным преподаванием литературы. Привычное репродуктивное образование, основанное на пассивном восприятии, а затем воспроизведении готовой информации, содержащейся в слове учителя, в учебнике или литературоведческих статьях, свои возможности исчерпало. Организация аналитической работы учащихся над текстом должна строиться на принципах развивающего обучения.

Ю. М. Лотман отмечал, что «всякий исследовательский анализ, в конечном счете, строится на непосредственном читательском восприятии. Именно оно лежит в основе той интуиции, которая позволяет ученому не перебирать все логически возможные комбинации структурных элементов, а сразу выделять из них некоторый подлежащий дальнейшему рассмотрению минимум» [2. С. 133 – 136]. Тот же подход должен осуществляться и в школьной практике.

Опора на непосредственное читательское восприятие в процессе изучения любого литературного произведения в школе — первое и необходимое, однако недостаточное слагаемое успеха. Задача учителя — не разрушить непосредственность восприятия в ходе аналитической беседы, а от внимания к поэтическому слову привести школьников к пониманию лирического текста в целом, в единстве чувства и мысли. Чтобы художественный текст был воспринят школьником глубинно, необходима активная совместная интеллектуальная деятельность учителя и учеников, мотивами которой должны стать потребность и интерес. «Вместо пассивного усвоения «чужого» знания учащимся должны быть предложены микрозадачи, в ходе решения которых и рождаются необходимые обобщения».[1. С. 3] В каче-

стве примера предлагаем один из возможных вариантов анализа стихотворения А. С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»

*Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.*

*Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдём под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.*

*Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживёт мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.*

*Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю; прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.*

*День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.*

*И где мне смерть пошлёт судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладельый прах?*

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Беседу можно начать с вопроса: есть ли у стихотворения название? — Нет, его принято называть по первой строке, в ней уже присутствует лирическое «я», и это свидетельствует о том, что лирический герой с его внутренним миром будет в центре произведения. Внимательно прочитаем первую строфу. В каком художествен-

ном пространстве находится лирический герой? — Это «Улицы шумные», «многолюдный храм», некое необозначенное местонахождение «юношей безумных». Есть ли здесь приметы какого-то реального города и важны ли они? А что же важно? В чем различие этих объектов пространства и что их объединяет? — Многолюдный храм — центральная строка; посещение храма предполагает молитву и сосредоточенность на мыслях о Боге, о жизни и смерти. Первая и третья строки составляют контраст со второй. На «улицах шумных» множество людей, далеких от этих раздумий. Почему юноши названы безумными? — Им чужда мудрость, они пока живут страстями, иллюзиями, не задумываясь о смысле жизни. Первые три строки имеют одинаковое синтаксическое построение: Брожу ли я, вхожу ль... Сижу ль... Пока мы отмечаем, что объединяющей чертой здесь становится многолюдье.

Что мы можем сказать о лирическом герое? Его присутствие обозначено глаголами в каждой из строк, он находится среди людей. Однако ощущает ли он единство с ними, или его что-то от них отделяет? — Он погружен в свой внутренний мир: «Я предаюсь моим мечтам». В каком значении употребляется здесь слово «мечта»? В привычном для нас или в каком-то ином? — В современном значении мечта — это воображаемая картина чего-то прекрасного и очень желанного. А о чем упорно размышляет лирический герой? — О смерти. Но во времена Пушкина слово «мечта» могло иметь значение любой картины, созданной воображением, в том числе и страшной, и грустной. В других произведениях поэта встречаем: «Я видел страшные мечты...» (поэма «Цыганы»), «И мщенье, бурная мечта ожесточенного страданья» («Все в жертву памяти твоей...»).

В контексте стихотворения первые три строки объединяет не только значение многолюдности, но еще и бурного кипения жизни, что является антитезой состоянию лирического героя. Его одиночество среди множества людей вызвано тем, что он, в отличие от них, сосредоточенно размышляет о неизбежности смерти. Таким образом, первая строфа задает тему, а вторая утверждает мысль о конечности любого бытия, и смерть предстает здесь как универсальный закон: «Мы все сойдем под вечны своды».

В. М. Жирмунский отмечал, что это перифраза, условная формула, которая означает «мы все умрем», и было бы неправильным представлять себе «образ»: длинное шествие, спускающееся под «вечные» каменные своды. Однако, на наш взгляд, при всей условности, здесь все равно сохраняется элемент зрительного образа. «Вечные своды» в читательском восприятии ассоциативно связываются с античными представлениями о вратах в подземное царство Аида, куда попадают человеческие души. Теряя память, они все же обретают посмертное существование. Таким образом, само обозначение смерти является оксюморонным, включает семантический элемент «жизнь». В метафорических обозначениях: «уход», «вечный сон» — смерть не предстает как полное уничтожение, может быть, еще и потому, что для человеческого сознания трудно, практически невозможно представить абсолютное небытие.

Как связаны с душевным состоянием лирического «я» образы дуба и младенца? — Он соотносит с ними срок своего бытия и особенно остро осознает кратковременность не только человеческой жизни вообще, но и своей собственной. Дуб

«переживет ... век забвенный», младенец, только начинающий жить, напоминает герою о том, что ему «время тлеть». И слово «прости», обращенное к нему, обозначает прощание, последний привет.

Но в основе бытия лежат вечные законы не только умирания, но и обновления. Что обозначает само слово «патриарх?» — Здесь — это один из библейских праотцев, наделенных по воле Бога невероятным долголетием, родоначальник, обладающий многочисленным потомством. Дуб в мифологиях разных народов — это еще и символ мирового древа, воплощающего собой жизнь.

Дуб «почтенный» вызывает уважение и преклонение, младенец — нежность и умиление, пожелание «цвести». И два эти образа, представляющие собой антитезу, в то же время являются воплощением вечного обновления жизни, вечной красоты природы и игры жизненных сил, по-разному сказывающихся в «младенце милом» и в могучем дереве.

Какой поворот лирической темы происходит в пятой строфе? — Неотвязная дума о неизбежности смерти, целиком захватившая человека („День каждый, каждую годину Привык я думой провождать”) порождает стремление разгадать тайну своей предстоящей кончины:

*И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?*

Так в стихотворение входит тема судьбы. Может ли человек противостоять этой грозной силе? — Смерть неотвратима, но и бой, и странствие, и волны подразумевают деятельную позицию человека. Человек не в состоянии предугадать волю судьбы, но он волен в своих желаниях. Гибель в бою или в волнах — это смерть вдали от дома, смерть в одиночестве, насильственная смерть. Ей противостоит иное решение темы — последнее успокоение, кончина на родине, когда „соседняя долина” „примет охладелый прах”.

*И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.*

Что обозначает здесь слово «предел»? — Оно имеет разные значения. Это и участь, судьба, и страна, местность. «Милый предел» — это близкие сердцу родные места, где смерть предстает в облике мирного сна.

Проследите, как развивается в стихотворении тема смерти. — Мысль о смерти нагнетается постепенно. От шума и многолюдности поэт приводит нас к мысли о вечности: «шумных», «многолюдный», «безумных» => «уединенный», «забвенный» => «охладелый», «бесчувственному», «гробового» => «равнодушная», «вечною». Жизненный путь человека лежит через безумство (юность), уединение (зрелость), забвение (старость) — к гробу.

Вызывает ли это стихотворение чувство подавленности и уныния? — Нет, потому что дума о неизбежности конца, которая является стержнем всего произведе-

ния, постоянно сопровождается картинами и образами, связанными с представлениями о жизни.

Какова связь между двумя первыми и последней строфами? — Последняя строфа соединяет образы «младой жизни» и «равнодушной природы», стихотворение обретает кольцевую композицию. И жизнь представляется бесконечной в движении по этому кольцу: от безумной, чуждой осмыслению законов бытия юности, через муки поисков смысла жизни — к смерти, к «гробовому входу», вокруг которого уже шумит новая молодость. Природа равнодушна к отдельному человеку, но она прекрасна, и Вечная жизнь — в этой смене поколений, истина — в мудром примирении с круговоротом жизни: а самая грустная из пушкинских элегий оставляет у читателя впечатление не подавленности и уныния, а мудрой и бесстрашной просветленности.

Литература

1. Дыханова Б. С. Книга для учителя-словесника: Научно-методическое руководство к авторской Программе по литературе. 9 класс средней общеобразовательной школы — Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001.

2. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии Анализ поэтического текста: Структура стиха // СПб., 1996.

Колтухова І. М. До проблеми аналізу ліричного вірша на уроці літератури (на матеріалі вірша А.С. Пушкіна „Брожу ли я вдоль улиц шумных“).

Стаття присвячена проблемі аналізу ліричного вірша на уроці літератури.

Ключові слова: методика викладання, ліричний вірш, аналіз ліричного вірша.

Koltukhova I. M. On the problem of lyric poetry analyses at literature classes (A. Pushkin Wandering the noisy streets..).

The article is devoted to the problem of lyric poetry analyses at literature classes.

Key words: methods of teaching, lyrical poem, skills for analysing of lyrical poems.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2010 г.